

Капитан сказал: Расскажите о готовности каждого солдата пожертвовать собой ради страны и упомяните... шоколад, от которого я потолстею? Это не сработает.

Солнце освещало недостроенный звездолет, простой корпус был оригинального цвета сплава, холодного серо-белого, он должен был быть простым и незатейливым, но Линь Цзинье чувствовал, что это самое красивое зрелище, которое он когда-либо видел.

В маленькой кабине челнока на некоторое время стало так тихо, что Линь Цзинье почувствовал, будто потерял связь со вселенной за окном. Он затаил дыхание и словно услышал рев в своих венах.

В год, когда он покинул Лазурный в возрасте 21 года, его непосредственный наставник сказал ему, что в его жилах совсем нет крови, что все, что там так горит и кипит — это энергетическая жидкость из двигателей. Тогда он только спокойно улыбался, выходя сдержанно и корректно сквозь маскировку голографической проекции.

Это было ничто, самый сильный ученик за всю историю симуляторов сражений в Лазурном, разве это повод для радости? Ведь восходящая звезда на линии фронта освещает каждый дюйм потерянного звездного поля на границе Федерации, а пленные омега- и бета-женщины на космических станциях повстанцев освобождаются и плачут от радости, глядя в ту сторону, куда ушла их звезда.

Но я, должно быть, сейчас не так спокоен как тогда, — подумал он.

— Ну что, никаких комментариев?

Голос Лэй Эня, казалось, доносился с большого расстояния, и Линь Цзинье моргнул и повернул голову, чтобы посмотреть на него несколько вяло.

— Это... — услышал он свой собственный несколько напряженный голос, — Это "Цзинье"?

Лэй Энь рассмеялся.

— Конечно, нет, "Цзинье" — мой, сколько раз я тебе это говорил? Почему ты еще не сдался? Этот предназначен тебе, — он поднял свои белые волосы и отбросил их за спину, рассеянно спросив: — Ты сам хочешь придумать ему имя, или это должен сделать я?

Они долго сидели в тишине, Линь Цзинье не издавал ни звука, и Лэй Энь тоже молчал, пока персонал станции не удержался, и несколько маленьких челноков нерешительно подлетели, подавая сигналы, чтобы спросить, не происходит ли чего.

Кончики пальцев Линь Цзинье только шевельнулись, но Лэй Энь опередил его, небрежно включив трансляцию канала и лениво ответил:

— Разве я не могу просто наслаждаться этим видом?

Да, да, да, почему бы и нет, — снова засуетились в страхе сотрудники. Кто же не знал, что лорд-маршал так любил звездолеты, что проводил отпуск со своим флагманом в обнимку? Так что он мог смотреть сколько угодно, лишь бы не обнаружил, что они сделали что-то не так, и не подумал о том, как устроить им дополнительную тренировку!

Линь Цзинье наконец-то вынырнувший из своего затянувшегося ступора, несколько раз открывал рот, но в конце концов просто сказал:

— Я не знаю, почему бы тебе не назвать его?

Лэй Энь не стал спрашивать почему и ответил:

— Тогда спешить некуда, мне нужно подумать, будешь ли ты торт?

Перед ним поставили кусок шоколадного муссового торта, и Линь Цзинье слегка потерял дар речи — откуда этот человек только что достал торт? И почему Лэй Энь при любой возможности доставал шоколад?

Беловолосый маршал, который тоже держал в руке кусок, посмотрел, как Линь Цзинье замер и помахал перед его глазами другим куском, напомнив:

— Я контролирую количество сахара.

Линь Цзинье медленно поднял руку, чтобы взять его, и спокойно сказал:

— Ты контролируешь свое количество сахара, скармливая его мне?

Тон Лэй Эня был легким и медленным:

— А что в этом плохого? Есть старая китайская поэма из древней эпохи Земли, "Чтобы отплатить императору за искренность в вербовке и правильном использовании талантливых людей, он готов сражаться за императора до смерти, размахивая острым мечом!"*, так что это моя плата за твою верную службу, хорошо?

(*очень вольный пересказ последней строчки поэмы времен династии Тан, в другом виде без долгих пояснения писать ее нет смысла, ведь в этом предложении содержится аллюзия,

выражающая решимость солдат служить стране до смерти.)

Линь Цзинъе поднял глаза, и увидел, как молодой маршал вытянул длинные тонкие пальцы и нежно провел ими по уголкам глаз.

Кончики его пальцев выглядели так, будто он вертел блестящий кристалл в лучах заходящего солнца.

— Но мне не нравится окончание, величественные и грустные поэмы действительно великолепны, но я все же думаю, что лучше обернуться и увидеть красивые глазки мандаринки, которые живы и здоровы, — Лэй Энь моргнул, — Так что не плачь, просто командуй звездолетом и ешь мой шоколад.

Линь Цзинъе: ...

Спасибо, я пришел в себя.

Человек, написавший оригинальное стихотворение, возможно, переворачивается в своем гробу от гнева.

Забудь об этом, у тебя красивое лицо, значит ты прав.

Если меня снова тронут, я стану шоколадом, шоколадом, который выживает несмотря ни на что и побеждает своих врагов! — подумал Линь Цзинъе, обгладывая кусочек торта в своей руке.

Адмирал Фердиц и Третий Легион были переведены на оборону столичной звезды, уступив место Небесному Мечу, но широкую публику это мало волновало, ее больше волновала речь маршала в прямом эфире из Лазурной Военной Академии.

Она была прекрасно написана, никаких высокопарных слов, только простой язык, которым он говорил, чтобы заставить кровь людей бурлить.

"Это отличные слова!"

"Оооо, мне нравится строчка "Пожалуйста, не равняйтесь на меня, я лучше посмотрю, как вы все станете звездами!"

"Маршал, пожалуйста, отметьте меня, как только я вас увижу, у меня начнется ранний

физиологический период!"

"Э-э, раньше у маршала были только очень короткие речи, как же на этот раз у него получилось такое длинное выступление?"

"Что невозможно для Небесного Меча?"

"Значит, пометить меня тоже возможно!"

Отдельные голоса сомнения быстро заглушались рядами и рядами просьб о метках.

"Срань господня, может, вы, альфы, проявите немного маскулинности и перестанете выхватывать метки у нас, О".

"Это новый век, вы не можете дискриминировать нас, любителей АА!"

"Хех, смотрите шоу.јрг. вы, ребята, не мельтешите, может, в конце концов мы, беты, станем победителями".

АО быстро выступили единым фронтом:

"Бета, не мечтай, проснись".

"Бета, не мечтай, проснись +1"

Это была речь, произнесенная с полной убежденностью. Лэй Энь небрежно облокотился на стол, взгляд его был на редкость спокойным и мягким, и он оглядывал зал и молодое поколение, сердца колотились везде, куда бы он ни посмотрел.

Он выглядел совершенно естественно, поэтому истина вряд ли кому-то пришла в голову, кроме Линь Цзиньрана, который сидел неподалеку от сцены.

Юноша слушал с благоговением и некоторое время молча подсчитывал...

Маршал определенно продержал брата весь день, чтобы тот написал такой длинный черновик! Его брат очень хорошо пишет, но он не ИИ, он не может писать 10 000 слов в секунду!

Маршал не может быть таким чрезмерным!

Брат сердится.jpg

Лэй Энь уже закончил свое выступление, зал долго аплодировал, но он не спешил уходить со сцены. Это не было предусмотрено церемонией, поэтому приглашенные журналисты и глава военной академии были немного растеряны, и только неосведомленные студенты продолжали восторженно аплодировать.

<http://bllate.org/book/15644/1398486>